

Екатерина
БЕРЕСЛАВЦЕВА

Прошу любить
и **не**жаловаться!

12+

Екатерина Береславцева

Прошу любить и не жаловаться

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51864480

SelfPub; 2020

Аннотация

Женька Беликова, новоиспечённая москвичка с неустроенной личной жизнью и неудавшейся карьерой, возвращается в родной город после 20 лет разлуки. Чтобы уверить своих друзей, что жизнь её удалась, она решает выдать за своего успешного жениха незнакомца, с которым свела её судьба в очереди за билетом на поезд.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	33
ГЛАВА 6	42
ГЛАВА 7	47
ГЛАВА 8	49
ГЛАВА 9	52
ГЛАВА 10	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Екатерина Береславцева

Прошу любить и не жаловаться

ГЛАВА 1

– Алло! – недовольно произнесла я, увидев незнакомый номер на дисплее.

Наверняка реклама очередного спа-салона! Как же они мне надоели! Несколько раз в неделю неизвестные девушки соблазняют меня какими-то немислимыми бесплатными процедурами. Голоса, надо признаться, у этих девиц довольно милые, но слушать их чуть ли не каждый день не доставляет мне огромного удовольствия.

– Белка? – ответили мне из трубки осторожно.

– Э-э-э... – не сразу перестроилась я. – А это кто?

– Белка, это ты? – уже увереннее произнёс голос.

– Да какая из меня теперь белка? – выдохнула я с облегчением. – Дашка, это ты, что ли?

– Я! – счастливо рассмеялась моя подружка, моя любимая рыжая подружка, с которой мы не виделись... погодите, сколько же мы с ней не виделись? Десять – нет, пятнадцать лет! О, боже!

– Дашка! Это правда ты? – я прислонилась спиной к мраморной колонне возле входа в метро, куда собиралась зайти секунду назад. Какой-то грузный господин своим животом чуть не потащил меня за собой, но я даже не отреагировала на него, лишь глубже вдавилась в холодный мрамор. – Дашка!!! Ты откуда??

– Белка, белочка моя, как я рада тебя слышать!

– Дашка! – выдохнула я. – Это просто невероятно, ты понимаешь? Я ведь видела тебя сегодня во сне!

– Ага, опять твои пророческие сны! – рассмеялась моя подруга. – Они всё ещё ведут тебя по жизни?

– Куда ж без них, Дашунь! Но это всё ерунда, совершеннейшая ерунда! Ты лучше объясни, как ты меня нашла?

– О, Женька, это целый детектив, если хочешь знать! Но я поведаю тебе эту историю при встрече, а пока скажи мне вот что: у тебя найдётся для старой подруги неделька? Одна малю-ю-ю-сенькая неделька? В которую можно уместить кусочек летнего солнца на синей террасе, отражение зелёных глаз в бокале вина и один яркий мазок на белом холсте?

– О-о-о! – простонала я. – Дашка, ты ничуть не изменилась! Такая же романтичная барышня, как и раньше!

– С чего бы мне меняться? – Я словно наяву увидела, как Дашка передёрнула своим красивым плечиком. – Но ты мне не ответила, Женька!

– Ну-у-у, – протянула я, – мне нужно подумать, Дашунь. А что такое намечается?

– Здравсти, приехали! – воскликнула Дашка. – Ты что, забыла, какое скоро событие?

– Помню, отчего же... – неуверенно промямлила я. – Ты имеешь в виду... ммм...

– Женька, ну что ты дурочкой прикидываешься! Я понимаю, нынче не модно отмечать такие даты, суеверие и всё такое. Но мы-то с тобой всегда были выше этой ерунды! А? Ну-ка, посмотри мне в глаза, подруга!

Дашка сурово хмыкнула. Я вздохнула. Мне совершенно не хотелось говорить на эту тему. Даже со своей лучшей подругой, которая всегда разбиралась в моих запутанных закоулках души лучше, чем я сама.

– Дашунь, сорок лет – не повод для веселья, поверь мне.

– Белка, я тебя не узнаю! Не ты ли мне всегда твердила, что самое интересное начинается только после сорока?!

– Ну, – махнула я рукой, – когда это было!

– Жека, ты чего? – моя подруга слегка насторожилась. – У тебя там что-то стряслось, что ли? Голос у тебя какой-то тусклый... Ну-ка, выкладывай!

– Да ну, Даш, что ты выдумываешь! – я отодвинулась от колонны и расправила плечи. – Просто устала после работы, день был трудный, сама понимаешь...

– Значит, так! – взяла быка, точнее меня, за рога Дашка. – Чтобы через неделю ты была у меня, и никаких возражений я не принимаю! Выкручивайся там со своей работой, как сможешь, но в такой день ты должна быть рядом со мной! И за-

помни: проклянущу, если не приедешь!

– Так-таки и проклянёшь? – кисло улыбнулась я.

– А то! И не посмотрю, что знаю тебя с глубокого детства!
Всё, кончай эту сопливую бодягу и марш за билетом!

– Не, Даш, – быстро забормотала я, – у меня, наверное, не получится. На мне сейчас один очень трудный проект, и бросить мне его совершенно не на кого. Совершенно! – повторила я с нажимом и даже развела одной рукой, больно ударившись при этом локтем о твёрдую колонну. – Чёрт! – прошипела я и скособочилась, пытаюсь, не выпуская из другой руки телефонной трубки, потерять ушибленное место.

– Что ты там пыхтишь, Женька? – недоумённо спросила Дашка. – И что ещё за дурацкий проект, который важнее подруги детства?

– Да такой, знаешь, очень серьёзный проект. И заказчик, как назло, попался очень капризный, придирается к каждой мелочи. А кроме меня, бедолаги, справиться с ним никто не сможет.

В общем, несла я полную чепуху. Если бы Дашка могла видеть сейчас мои бегающие глаза, она бы всё поняла. Но, к моему счастью, подружка моя находилась за несколько сотен километров от меня, в далёком и от того прекрасном городе моего детства, и я могла выпендриваться сейчас сколько угодно. Впрочем, я совсем, кажется, забыла про характер этой рыжей девчонки.

– Жека, – невинным голосом сообщила она, – тут с то-

бой кто-то ещё хочет поздороваться. Ты уж не бросай пока трубочку, лапушка.

Я закатила глаза наверх и вздохнула. Ничего, продержаться осталось совсем немного, зато потом – долгожданный диван и шоколадное пирожное, которое скромно дожидается меня со вчерашнего дня в холодильнике. А ещё...

Мысль не успела прийти к радостному окончанию, как в трубке раздался другой голос. Мужской. Я бы даже сказала, очень мужской.

– Женька, ты что это там выдумала? Какая, на фиг, работа? Тебя что, даже встреча с женихом не привлекает?

– Сёма! – обрадовалась я. – Сёмочка! Ну, какой ты мне жених, вспомнил тоже! Пятнадцать лет прошло!

– Таки что ж, что пятнадцать? – прокартавил Семён. – Ты думаешь, Сёму может смутить такая ерунда? Сёму может смутить только отсутствие любимой подружки на дне рождения у любимой жены.

– Не поняла! – оторопела я. – Шутить изволите, сударь?

– Никак нет, Женечка, – нормальным голосом произнёс Семён. – Но если я тебе скажу, сколько уже лет мы с твоей Дарьей женаты, кому-то может стать очень стыдно!

– Не говори, Сёмочка, не надо...

Я замолчала. С той стороны провода тоже не спешили говорить.

– Сёма...

– Да, Жень, я тут.

– Вы правда хотите меня видеть?

– Ты что, дура, Беликова? – встряла Дашка. – Она ещё спрашивает, хотим ли мы её видеть! Нет, ты слышал, Семён? Уже пятнадцать лет в нашем шкафу стоит твоя любимая чашка, с которой я каждую неделю сдуваю пыль, и даже она тебе может ответить, хотим ли мы видеть её склеротичную хозяйку!

– Почему это склеротичную? – дрогнул мой голос.

– А как можно назвать человека, который на пятнадцать лет забывает о своих друзьях?

– Я не забывала! – вяло запротестовала я.

– А почему же тогда не звонила?

– Ну, понимаешь, Даш, как-то навалилось тут всё... Работа, э-э-э... В общем, очень много работы... Но я так рада, что ты мне позвонила, ты даже не представляешь!

– Вот и замечательно, подружка! Значит, так, – деловито продолжила Дашка, – сейчас же ноги в руки и дуй на вокзал за билетом. Надеюсь, память твоя ещё не совсем ослабла, помнишь, как добраться до нас?

– Даш, но я правда...

– Ничего не хочу слышать! – отчеканила Дарья. – Не будет тебя – не будет и праздника. Ты этого хочешь?

– Нет, конечно, – вздохнула я. И с укором посмотрела на телефонную трубку. Как будто это могло что-то изменить! – Ладно, Даш, я попробую что-нибудь придумать!

«Может быть, ещё и мест свободных не будет!» – мельк-

нула в голове спасительная мысль.

– Вот и умница! Всё, Женька, отбой! Целуем тебя!

– И я вас! – успела я произнести перед отключением связи. Дашка всегда была решительной и быстрой дамой.

Я взглянула на часы. Да-а-а, пожалуй, дивану придётся подождать свою бестолковую хозяйку! Забросив блестящий аппарат в сумку, я быстрым шагом направилась к стеклянным дверям метрополитена, и сразу же меня, как долгожданное лакомство, поглотило прожорливое и очень вместительное чудище, и без того до отказа наполненное кучей таких же бедолаг, как и я.

«Дашка, подружка, – крутилось у меня в голове безудержно, пока я спускалась на эскалаторе. – Как же не вовремя ты объявилась! Именно сейчас, когда моя и так бесполезная жизнь превратилась в полную бессмыслицу!»

Я шмыгнула носом и полезла в карман за платком. В последнее время шелестящий пакетик с бумажными салфетками стал моим единственным верным другом. Нет, со здоровьем у меня всё в порядке (тьфу-тьфу!), а вот нервы стали шалить, как капризные профурсетки! Да и не мудрено, если вспомнить, сколько всего приключилось за последнее время! Вытащив, наконец, сложенный чистый платок, я промокнула влажные глаза и тоскливо вздохнула. В который уж раз за вечер!

– Ну и что ты на меня так смотришь? – ворчливо буркнула я лысому господину, уставившемуся на меня с другой до-

рожки эскалатора. – Что, жалкое зрелище? Впрочем, я с тобой, пожалуй, соглашусь. Брошенная баба – не самое приятное, что может встретиться, ага.

Отвернувшись от назойливого взгляда, я затолкала платок поглубже в карман, соскочила с убегающей чёрной ленты и помчалась к платформе.

Эх, Дашка, Дашка, почему ты не позвонила раньше, эдак пять лет назад? Я уверена – ты, со своим пронзительным умом, сразу бы поняла, что за фрукт этот Гена!

В носу опять защипало.

– Плакса, жалкая размазня, корова! – прошептала я, сжав кулаки, топнув ногой и зажмурившись.

Открыв через секунду глаза, я увидела перед собой удивлённое лицо какой-то дамы.

– Это я не вам, простите... – неловко пробормотала я и, покраснев, поспешно ретировалась в другую сторону платформы.

Ну вот, скоро люди при виде меня начнут шарaxаться! Во что я превратилась, господи! Нет, пора брать себя в руки! Может быть, и к лучшему этот неожиданный звонок!

Я улыбнулась, вспомнив Дашкин голос. Надо же, хранит мою чашку, мою любимую жёлтую посудину с нелепой девахой на блестящем боку! Эту кружку когда-то привозила Дашка из Гурзуфа, и мне настолько пришлась по душе рыжая губастая тётка с яркими веснушками, нарисованная на жёлтой керамике, что я пила только из неё, убрав подаль-

ше на антресоли все остальные чашки. Перед отъездом я отдала её подружке со словами: «Без неё я долго не продержусь, значит, жди меня скоро в гости!», но ожидание затянулось на годы...

Я резко встряхнула головой.

– Всё, хватит ныть! Через неделю я увижу свою Дашуту, и пусть всё остальное летит в тартарары!

С этой радостной мыслью я втиснулась в плотно забитый человеческими телами вагон и замерла на одной ноге. Для второй, как обычно, места не нашлось.

ГЛАВА 2

Ну что ж, пора мне, кажется, представиться. Зовут меня Женька Беликова, но близкие друзья с детства кличут меня Белкой, и я на них нисколючки не обижаюсь за это. Впрочем, если быть честной, меня не называли так уже пятнадцать лет, с тех самых пор, как я, с радостной улыбкой на юной мордахе, садилась в поезд Арбузов – Москва. Кроме глупой улыбки, со мной ещё был небольшой чемоданчик, забитый моими лучшими вещами вперемешку с хрупкими сувенирами, и полное радужных надежд сердечко.

– Белка, как приедешь, сразу же позвони! А то знаю я тебя, увидишь огни большого города и позабудешь о нас! – Дашка поправила воротничок моей блузки и улыбнулась.

– Ты что, Даш, когда это я страдала склерозом? Конечно, позвоню! Как только окажусь у телефона, сразу же наберу!

– Белка, ты обещала сходить в Пушкинский и привезти мне альбом Пикассо! Надеюсь, не забыла?! – это Карина, наша трепетная почитательница великого испанца, дёрнула меня за руку.

– Конечно, помню, Кариш! Ты же твердила мне об этом сто раз в день!

– Да, я упрямая кавказская девушка! – гордо вскинула свои чёрные брови подружка. – В отличие от вас, бледнолицых, мой характер несгибаем, как... как этот зонт!

Она продемонстрировала свою несгибаемость, попробовав согнуть свой длинный красный зонт. С громким хрустом железные спицы хрястнули, и Карина замерла, в недоумении разглядывая острые обломки. Я забыла сказать, что наша Карина – мастер спорта по дзюдо! Семён, который томно смотрел в этот момент на меня, хихикнул. Каринка покраснела.

– Не переживай, Кариш, я привезу тебе из Москвы новый, ещё краше этого! – успокоила я подружку.

– Только бери попрочнее, а то мало ли что... – многозначительно кашлянула ещё одна наша подружка, Сашка.

– Да ну вас, – махнула обломками Карина и запихала их в ближайшую мусорку. – Подумаешь, зонт! Кстати, это хорошая примета перед дорогой! К удаче!

– Про битую посуду я слыха-а-ал, – растягивая слова, произнёс Сёма, – а вот про сломанный зонт – впервые!

– Ты многого ещё не знаешь, Сёмочка! – прищурила глаза Каринка. – Ну, ничего, подрастёшь, отраслишь усы, глядишь, и поумнеешь!

– Тоже мне, профессорша нашлась! – фыркнул Семён. – Между прочим, если сравнивать мужской ум с женским...

– Ну, понеслись! – перебила его Дашка. – Чай, не на защите дипломной работы!

– Ага, на защите он молчал! – подковырнула друга Шурка. – Помните, когда этот напыщенный москвич спросил у нашего Сёмочки: почему, батенька, у вас деревья на картине такой странной формы, – что он ему ответил? Молчишь?

Ага, вот и тогда ни слова не произнёс, только пыхтел и жалкими глазами на Саныча смотрел!

– Да ну, что с этим дураком связываться? – рассмеялся Семён. – Он же ни бельмеса в гениальной живописи не понимает! Нашли кого прислать на защиту! Никому не известного скульптора!

– Зато у этого скульптора за плечами – московский институт! – встряла я.

– Знаменитый папа у него за плечами, а не институт! – рубанул рукой по воздуху Сёма.

– А я видела одну его скульптуру, – пискнула Леночка, наша тихоня, и покраснела. Она стеснялась, кажется, даже своих близких друзей, то есть нас, хотя знакомы мы ещё с первого курса! – У нас в музее! И мне она понравилась!

Под суровым Семёным взглядом Леночка смешалась и покраснела ещё больше.

– Не дрейфь, Ленусь, – обняла подругу за плечи Сашка. – Не дадим спуску грубым мужикам!

– Это кто это здесь грубый? – нагнул голову Семён.

Но продолжить он не успел, ибо в этот момент со ступеньки вагона прыгнула проводница и громким голосом завопила:

– Товарищи отъезжающие, поезд отправляется через пять минут! Просьба занять свои места! – Её ярко накрашенные глаза остановились на нашей группке, и она продолжила: – Успеете ещё наболтаться, молодёжь! Вернётся к вам ваша

подружка, а сейчас отпускайте её, иначе тут останется!

Мы заторопились. Леночка всхлипнула, ткнулась в меня светлой головкой, следом за ней Шурка с Кариной обняли меня, мазнув по щеке губами, Дашка расцеловала меня в обе щеки, и все отступили, оставив возле меня лишь Семёна.

– Женька, ты это... не забывай про меня, ладно? – его голос дрогнул, а глаза потемнели.

– Да ладно, Сёмочка, что ты?! Я скоро вернусь...

Вернулась, ага... Не прошло и ста лет...

ГЛАВА 3

Москва закрутила меня с первого же шага, который я сделала, спустившись на грязный перрон.

– Давайте ваши вещи, девушка! – какой-то человек в клетчатой кепке дёрнул за мой чемоданчик.

– Зачем это? – растерялась я и чуть не выпустила поклажу из рук.

– Одной-то тяжело, небось! – прищурился хитро парень. – А я домчу с ветерком, даже не заметите.

– Ой, нет, спасибо, – помотала я головой и отдёрнула чемодан. – Я уж сама как-нибудь, не беспокойтесь!

– Было б о чем беспокоиться! – презрительно сплюнул он на асфальт и, развернувшись ко мне спиной, побежал к другой жертве.

Да-а-а, гостеприимный город, подумалось мне весело. Одной тут и правда не останешься, вон сколько народу кругом!

Людей было много. Очень много. Я всегда замечала – стоит только мне куда-нибудь прийти, и тут же набегала целая куча, и пристраивалась рядом, и дышала в спину.

Полстраны, наверное, не меньше, сбегалось к моему приезду, решила я, проталкиваясь сквозь толпу. И как все узнали, что я приезжаю?

Впрочем, я недолго веселилась.

– Женька! Я тут! – мне махала руками моя бывшая одно-

классница, к которой, собственно, я и приехала.

– Привет, Надюшка! – я обняла девушку и улыбнулась долговязому парню, держащему Надю за руку.

– А это мой муж, познакомься, Жень!

– Константин, – представился тот и расплылся в улыбке.

Да, именно с этой улыбки и началась моя грустная история про Москву. Ведь в ту же секунду мне стало понятно, что я никак не уживусь в одной комнате с этим человеком. Даже два месяца, о которых мы и договаривались с Надюшкой.

– Ты пока поживёшь у нас, – говорила мне Надежда по телефону, – а потом найдёшь себе комнатку и переедешь. Тут все так делают, Жень! В нашей коммуналке в каждой комнате по несколько человек живёт, а в одной даже две семьи, представляешь?

Теперь-то я представляю! За пятнадцать лет, которые меня швыряло из квартиры в квартиру по огромной Москве, я чего только не видела! Сейчас даже вспоминать не хочется... И не буду! Лучше буду думать о предстоящей встрече с девчонками! Я ведь очень сильно виновата перед всеми. За эти годы я ни разу – ни разу!!! – не приезжала домой! Первое время ещё созванивалась с Дашкой, от неё узнавала последние новости обо всех наших, но потом и эти звонки прекратились. Трудно сказать, почему так происходило. Ведь ближе моих друзей у меня никогда в жизни никого не было. Дашка вообще мне как родная сестра, мы с ней знакомы практически с самого рождения! Сначала одна группа в детском са-

ду, потом один класс, один факультет в училище искусств, один институт... Если вдуматься – просто невероятно! Мама до сих пор удивлённо качает головой, вспоминая нашу трогательную дружбу.

– Женечка, как же так получилось, что вы с Дашутой теперь редко общаетесь? – мама всегда задаёт этот вопрос, когда я приезжаю к ней в гости.

Мои родители живут в Подмосковье, куда они перебрались через несколько лет после моего отъезда из Арбузова.

– Не знаю, мамуль, как-то не получается, – развожу я руками.

– Эх, – печально вздыхает моя мама, – а ведь как дружили!

Это правда! Дашка знала все мои тайны, да и от меня у неё никаких секретов не было. Мы проводили с ней дни с утра до вечера, расставаясь лишь на ночь. Одно время даже подумывали снять квартиру на двоих и жить самостоятельно. Вот дурёхи!

...Эх, Дашка, Дашка, вздохнула я. Если бы ты только знала, как мне грустно было без тебя все эти годы! Но я не могла вернуться ни с чем, ты понимаешь?

– Девушка, это вы мне? – ко мне повернул весёлое лицо какой-то парень, за которым я стояла в очереди. Он подвинул ногой свою сумку, лежащую рядом на полу, и мой взгляд невольно скользнул по яркой белой надписи на оранжевом боку. «Ковбой» – вот что было написано на сумке. И никак иначе!

– Я что, уже вслух стала думать? – ахнула я.

– Да я пошутил! – успокоил меня весельчак, заметив ужас в моих глазах. – Ведь люди всегда о чем-нибудь думают, вот я и спросил у вас...

– Ну, знаете! – вырвалось у меня.

– Это всего лишь шутка, девушка, не обижайтесь! – парень миролюбиво коснулся моего рукава. Я отдернула руку. – Ну, как знаете, – он пожал плечами и отвернулся.

Хмыкнув, я прижала крепче к себе свою сумочку и с надеждой посмотрела на окошко кассы. По моим скромным подсчётам, стоять оставалось никак не меньше получаса.

«Да ладно, всё равно спешить некуда», – бодро подумала я, вспомнив о своей холостяцкой квартирке. И тут же приуныла. События последних недель с новой силой нахлынули на меня, и мне пришлось больно прикусить губу, чтобы не расплакаться.

– Послушайте, девушка, – карие глаза вновь взглянули на меня.

– Что вам нужно? – глухо ответила я соседу.

– У вас что-то случилось, я чувствую, – произнёс он негромко.

– Ничего не случилось! – процедила я. – И вообще, это не ваше дело. Вы что, врач?

– Почему сразу врач? – улыбнулся он. – Я повар.

– Вот и идите к своим... кастрюлям, а меня не трогайте.

– Я не могу сейчас пойти к своим кастрюлям, – приложил

он умоляюще руки к груди, – мне надо билет купить сначала!

– Ну и... покупайте, – помимо своей воли улыbnулась я, но тут же нахмурилась.

– Так уже лучше, – произнёс он, внимательно меня рассматривая.

– Что – лучше? – отвела я от него взгляд.

– Ваша улыбка... Она привыкла к вашему лицу, а вы почему-то её предаёте.

– Что-о-о? – я подняла на него глаза. – Вы что, сумасшедший?

– Друзья говорят, что я чудик, а это, наверное, одно и то же? – Его лицо так сияло, как будто он смотрел на самого близкого человека. На меня. Я вздрогнула.

– Знаете, что... – решительно начала я.

– Миша, – подсказал он.

– Так вот, Михаил, считайте, что вы меня поддержали в трудную минуту, и закончим на этом, хорошо? У вас – свои кастрюли, у меня свои!

– Неужели вы тоже повар? – радостно воскликнул он.

– Боже упаси, – ещё раз улыbnулась я. – От моей стряпни мрут даже тараканы!

– Ну, это высший пилотаж! Так не получается даже у меня, – рассмеялся чудной парень громко.

А мне в этот момент в голову пришла одна мысль, от которой закружилась голова, а во рту пересохло, как перед прыжком в ледяную воду. Сердце забилося как сумасшедшее.

– Скажите, Михаил, а вы не хотите съездить в Арбузов? На недельку? – выпалила я и с отчаянной надеждой взглянула на своего неожиданного собеседника.

– В Арбузов? А там тепло? – ничуть не удивился он моему вопросу.

– Тепло! – уверила я его. – Очень тепло! Там у нас речка и комары, а тараканов нет. Ни одного!

– Это хорошая новость, – кивнул он. – А вы со мной поедете?

– Конечно! Я же вас и приглашаю. К себе. Ой, точнее не к себе, там у меня уже ничего нет. Но к своим друзьям. Вам понравится, правда-правда!

– Я почему-то в этом не сомневаюсь, милая барышня.

Я зарделась. Мужчина не отрывал от меня внимательного взгляда.

– Ну а теперь рассказывайте! – спокойно сказал он.

– Что – рассказывать?

– Зачем я вам нужен в этом самом Арбузове? Предъявить своим друзьям?

– Вы очень проницательны, Миша... – я помолчала. – Знаете, что, забудьте обо всём, что я сказала. Я, кажется, перегрелась на солнце и несу сейчас какую-то чепуху. Извините меня.

Моя рука зачем-то полезла в карман и вытащила кипу носовых платков. Я меланхолично посмотрела на них, пожала плечами и переложила в другой карман. Мужчина молча на-

блюдал за моими действиями.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Евгения Пензюковна.

– Евгения Пензюковна, – ухмыльнувшись, повторил он. –

Божественно.

– И вовсе не смешно, – поджала я губы. – Мой дед был отчаянный шутник. И очень любил город, в котором родился.

– Очень его понимаю! – прижал руку к сердцу Михаил. –

И одобряю во всем!

Я хмыкнула. Он улыбнулся.

– Молодой человек, ваша очередь! – бабка, стоящая за мной, настойчиво потрясла моего собеседника за рукав.

Удивительно, мы с ним стояли уже у самой кассы!

– Благодарю вас, – поклонился он старушке и повернулся к окошку. – Два билета до Арбузова. Число? Евгения Пензюковна, на какое число мы берём?

Он вопросительно взглянул на меня.

– Э-э-э... – запнулась я. – На шестое... Августа...

– Шестое августа, Москва-Арбузов, два билета в купейном вагоне, поезд номер тринадцать, места тринадцатое и четырнадцатое! – припечатала нас своим уверенным металлическим голосом билетёрша. – Всё правильно?

– Да, – кивнули мы и посмотрели друг на друга.

ГЛАВА 4

Вы знаете, чего я боялась, думая о своём возвращении домой в тот самый первый год? Что я вернусь ни с чем. Прилежная отличница, окончившая школу с золотой медалью, а институт, понятное дело, с красным дипломом, кого ставили в пример на каждом родительском собрании и каждую четверть вывешивали портрет (с глубокомысленным выражением лица и трогательной чёлкой на лбу) на доску почёта, – как я могла пропасть в другом городе? Даже если имя ему было – Москва? Никак – думаете вы? Я тоже так думала.

Но всё оказалось почему-то совсем по-другому. Начать с того, что вдали от родных мне людей я оказалась вовсе не такой уж и уверенной. А при ближайшем рассмотрении – и вовсе трусихой. Художественная школа, куда я сначала устроилась, пугала меня своими древними стенами и высокими требованиями. Я боялась сделать что-то не так, не так посмотреть, не так сказать, и мои дорогие коллеги этим очень умело пользовались. На меня взваливали самую тяжёлую работу, и я пыhtела изо всех сил, а в съёмной комнатке плакала от бессилия и разочарования, уткнувшись в ветхую хозяйскую подушку.

Я как-то очень быстро поняла, что Женька в Арбузове и Женька в Москве – два совершенно разных человека. Откуда ни возьмись на свет повылезали такие мои качества,

о которых я даже не подозревала! Моя обычная невозмутимость пошла трещинами, и оказалось, что под этой коркой прячется нервное и жалкое существо. Я, Женька Беликова!

И как я могла вернуться домой? Что бы я сказала своим друзьям? Ваша Белка – никчёмная неудачница?

И вот уже пятнадцать лет я тащу на себе это разочарование в самой себе. Нет, конечно, не всё так грустно. Были и светлые периоды в моей столичной жизни. Вот, например, встреча с Андреем Даниловичем, стареньким художником, с которым я познакомилась в Пушкинском музее лет десять назад. В зале французских импрессионистов.

В тот день, вдоволь побродив по уютным залам, я присела на небольшую скамеечку, стоящую прямо напротив «Портрета Жанны Самари» Огюста Ренуара, и, не отрывая взгляда от прекрасной рыжеволосой женщины, замерла. На меня смотрела моя Дашка и улыбалась мне ласково и чуть устало... Да, эта актриса как две капли воды похожа на мою подругу, ещё наш Саныч, Пётр Александрович, педагог по живописи, это подметил. Дашка, кстати, всегда гордилась таким сходством, у неё даже платье есть похожее, которое сшила ей мама, не устоявшая перед горячей просьбой любимой дочурки.

И вот сижу я так, мечтательно купаясь в розовых облаках, и боковым зрением вижу, что сбоку от меня маячит какая-то мужская фигура. Долго маячит, минут десять. И кажется даже, не сводит с меня назойливого взгляда.

«Наверное, познакомиться хочет, – с гордостью подумалось мне. – Ещё бы, я так романтично выгляжу! Эдакая загадочная незнакомка, с тонким профилем и белой кожей. Будь я женщиной, сама бы в себя влюбилась!»

Я и оделась сегодня необычно. Длинная юбка в пол, наверху – лёгкая серебристая разлетайка, высокая шея открыта, волосы изящно подобраны к макушке. В общем, затейливая барышня!

И, улыбнувшись самой своей обаятельной улыбкой, я чуть склоняю голову направо, краем глаза цепляя настойчивого господина, и тут же мои сладкие мечты обрываются.

«Ну вот, а я-то надеялась!» – разочарованно оглядываю я шуплого дедка, одетого в бархатный пиджачок, и с серой береткой на голове. Не принц, пожалуй.

Заметив мой взгляд, старичок улыбнулся мне мило и подошёл поближе.

– Здравствуйте, сударыня. Вы позволите обратиться к вам с просьбой?

– Да, конечно, – несколько удивлённо ответила я.

– Я понимаю, что слова мои могут показаться вам чересчур дерзкими, но не могли бы вы чуть-чуть подвинуться?

– Ой, конечно, конечно! – я моментально покраснела и даже хотела вовсе вскочить с лавочки, но что-то меня удержало на месте. Порывисто подвинувшись левее, я добавила: – Извините, что сама не сообразила. Загляделась.

– Ну что вы, что вы! – смутился дедуля. – Вы уж простите

старика. Не хотел вас тревожить. Но я посижу чуток и уйду, не беспокойтесь!

Он опустил на край лавочки, ещё раз извинился и замолчал. Я скосила глаза. Его лицо, став совершенно отрешённым, было обращено на мою Дашку. Точнее, на Жанну Самари.

«Тоже, значит, поклонник Ренуара», – хмыкнула я про себя и опять повернулась к розовой женщине.

Её образ вновь взял меня в плен. Но сейчас, сидя рядом с почтенным незнакомцем, я почему-то совсем другими глазами смотрела на изменчивое лицо. Мне вдруг почудилось, что она видит нас. Да, да, смотрит на нас, как живая!

Мы сидели в молчании довольно долго. Перед нашей лавочкой медленно прохаживались люди. Вот пробежала маленькая девочка, таща за собой на ремешке, как собачку на поводке, футляр от фотоаппарата. Стайка иностранцев с маленькой толстой экскурсоводшей остановились прямо у картины, скрыв её полностью от нас. Мы со стариком продолжали сидеть. Безмолвно. Видя перед собой только уставшую рыжеволосую красавицу.

«Она нас как будто связала», – подумалось мне.

И когда спустя ещё несколько минут старик начал говорить, я ничуть этому не удивилась.

– Мы познакомились с моей Любушкой здесь, вот на этой самой скамейке, – его тихий голос показался мне совсем молодым, – почти пятьдесят лет назад. И не было года, когда бы

мы ни возвращались в этот же день сюда. К нашей Жанночке.

Он улыбнулся. Я почувствовала это, даже не смотря на него.

– А сегодня здесь оказались вы... – дед повернулся ко мне. – Вы знаете, я опять не чувствую одиночества. Последние три года я приходил сюда один.

У меня защемило сердце. Я представила, как этот милый дедушка сидел на пустой лавочке и вспоминал свою жену.

– Мне даже показалось, что моя Любушка прислала вас вместо себя. Глупый я старик, правда? – засмутился он.

– Ну что вы! – горячо воскликнула я. – Я так рада, что оказалась именно здесь! Может быть, правда ваша Любушка меня привела сюда? Честно говоря, я ещё утром не собиралась в музей. Всё решилось неожиданно, в одну секунду.

Мы улыбнулись друг другу.

– А вы, наверное, тоже художница?

– Неудачливая художница, – не стала лукавить я. – Как-то не складывается моя творческая жизнь. А вы?

– А моя сложилась. Только знаете, что я вам скажу, – у него опять погрустнели глаза, – без Любы это не имеет никакого значения.

– Да, я понимаю, – тихо сказала я.

Вот так мы с ним и познакомились. Андрей Данилович оказался очень светлым человеком и талантливым художником. Я частенько бывала у него в мастерской и подолгу рассматривала полотна, на многих из которых было изображе-

но одно и то же лицо. Лицо пухленькой девушки с весёлыми глазами. Его Любушки. Люба у окна, Люба за столом, Люба, выглядывающая из-за занавески. . . . И везде у этой женщины лучистая и добрая улыбка. Как у самого Андрея Даниловича.

Признаюсь, я ходила в мастерскую не только для того, чтобы пообщаться с ним. Меня тянули запахи растворителей и красок, сама атмосфера этого места. Всё то, чего я была лишена вот уже несколько лет.

Да, к сожалению, моя творческая жизнь и правда не сложилась. Совсем. В художественной школе я долго не продержалась, подрабатывала ещё то тут, то там, пробовала себя даже в гончарном деле, но как-то всё оказалось не то, не то.

Ну а про личную жизнь и вовсе говорить не хочется. Вспомнить хотя бы мою последнюю любовь, на поверку оказавшуюся просто нелепой и пошлой историей. Геннадий (крокодил, как за глаза зовёт его моя подруга Танька) – самое большое разочарование моей жизни! А ведь как всё романтично начиналось!

Мы познакомились с ним на какой-то глупой вечеринке, куда притащила меня моя Татьяна.

– Женька, пора тебя выдавать замуж!

– Ты, что ли, это будешь делать? – ухмыльнулась я.

– А почему нет? – пожала плечами Танька. – Сама-то ты, небось, никогда не решишься на такой шаг! А у меня есть приятельница, которая устраивает встречи специально для таких, как ты!

– Для каких это таких? – не поняла я. – Красивых, но гордых?

– Убогих и застенчивых, дура! Да шучу я, шучу! – Танька заливисто захохотала.

Я тоже прыснула. Устоять, когда смеётся моя подруга, нет никакой возможности. Многие пробовали, но ни у кого не получалось! Мы, помню, как-то даже поспорили, улыбнётся ли одна наша общая знакомая, нудная сухая тётка, при звуке Танькиного смеха. Улыбнулась, да ещё как! Во всю ширь своего огромного рта, сверкая золотым зубом. Танька даже испугалась, что не сможет остановить истеричный смех этой тётки. Ничего, остановили общими усилиями! Впрочем, я отвлеклась.

– Ну, рассказывай, что ещё за вечеринки такие для красивых и застенчивых! – дёрнула я подругу за рукав.

– Короче, фишка в том, чтобы познакомиться как можно с большим числом людей за один вечер. Вот смотри.

И Танька, как заправский боевой генерал, смела в кучу липкие листки и ручки с карандашами (мы сидели с ней в офисе за моим столом), и стала всё это дело расставлять.

– Вот это – столы, а это... – она показала на цветные карандаши, – гости. За один столик рассаживается по четыре человека, две бабы, и два мужика, и общаются ровно пятнадцать минут. Ну, знакомятся, расспрашивают друг друга о том о сём...

– О чем расспрашивают? – не поняла я.

– Когда родился, когда первый раз поцеловался. Ну что ты, не понимаешь, что ли?

– Понимаю, понимаю. И что дальше?

– Каждые пятнадцать минут люди меняются местами, переходя от столика к столику.

– Ну и в чем смысл этих рокировок?

– А в том! – Танька округлила глаза. – Среди такого количества мужчин наверняка найдётся один подходящий!

Я помолчала, внимательно рассматривая разноцветные кучки на своём столе. Затем сдвинула всё это добро на край, положила чистый лист бумаги посередине и начала выводить на нем узоры.

– Ты чего это, Жень? – Танька зачарованно следила за моей рукой.

– Не мешай, я так думаю, – произнесла я, не поднимая глаз.

– А-а-а, – протянула моя приятельница. – Что, помогает?

– Думать? Ага. На, попробуй.

Я подвинула ей другой лист и дала в руки карандаш. Танька замерла, смешно наморщив лоб.

– А чего рисовать-то?

– Да что рисуется, то и рисуй, – промычала я.

– Ага, – задумчиво пробормотала Татьяна. И провела один малюсенький штришок. – Не, я так не умею, как ты!

Она бросила карандаш на стол и улыбнулась.

– Жень, ну что, сходим на вечеринку, а?

– Отчего не сходить, – медленно произнесла я, продолжая рисовать, – сходим, конечно. Чего мне терять, терять уж нечего. Приду, поглазею на людей. И мне польза, и тебе весело.

– Точно! – обрадовалась Танька. – Завтра же и пойдём!...

ГЛАВА 5

...Вот так и получилось, что на этой самой вечеринке, за одним из столиков, я увидела Геннадия. И влюбилась, что называется, по уши. Почти с первого взгляда.

А Таньке Гена не понравился. Это я теперь понимаю, почему, а тогда мне казалось, что подружка просто мне завидует. Ещё бы, такого красавца подцепила!

– Женька, ты что, не видишь, какой он жадный?

– Кто, Геночка?

– Ого, он у нас уже Геночка?

Мы стояли с ней у барной стойки и смотрели на Геннадия, который мило мне улыбался с другого конца зала. Его чёрные глаза весь вечер наблюдали за мной, и мне так это нравилось, что сердце выскакивало из груди от счастья!

– С чего ты взяла, что он жадный? Вот скажи, с чего? – пристала я к подруге.

– Дура ты, Женька! – постучала себя по голове Татьяна. – Ты что, не помнишь, как у него дрожали руки, когда он рассчитывался за твоё вино?

– Фи, выдумала тоже! – я облегчённо улыбнулась. – У него руки дрожали от волнения, что он рядом со мной!

– Ну-ну, – процедила Танька. – От волнения, конечно, от чего же ещё!

Она резко спрыгнула с крутящегося стула и исчезла ку-

да-то. Я опять посмотрела на Геннадия. Какой же он милый! Эти блестящие глаза, усы, как у настоящего капитана, и белый пиджак! Сказка, а не мужчина! Ещё более невероятным мне казалось то, что весь вечер он не сводит с меня своих взволнованных глаз. Моё сердце прыгнуло и застряло где-то в горле, когда я увидела, как этот сказочный принц, небрежно поставив на стол пустой стакан, двинулся в мою сторону.

– Женечка, куда же ушла ваша прелестная подруга, бросив вас совсем одну? Вам, наверное, невероятно скучно?

– Теперь уже нет, Геннадий, – мило улыбнулась я, посмотрев прямо в чёрные глаза. Глаза стали ещё чернее, и что-то яркое вспыхнуло вдруг в самом их центре.

– Вы позволите? – он положил руку на стульчик возле меня.

– Конечно! Садитесь, Гена. Таня, наверное, не обидится.

– Это очень великодушно с её стороны, милая Женечка! – он наклонился вперёд, и я почувствовала бесподобный аромат, исходивший от его тела. Моё сердце забилося ещё сильнее.

– Скажите, Женя, вам говорили когда-нибудь, что вы ослепительная красавица?

«Банально, Хоботов!» – промелькнуло у меня в голове, но я не обратила на свой внутренний голос никакого внимания.

– Не помню, – хихикнула я, опрометчиво откинувшись на низкую спинку. И чуть не поплатилась за это. Если бы

не мой кавалер. Геннадий очень ловко подхватил меня, и я совсем растаяла, почувствовав так близко к себе мужское тепло.

– Осторожнее, Женя, не лишайте меня удовольствия смотреть на вас!

– Пряма-таки и удовольствие? – кокетливо улыбнулась я.

– Конечно! – кивнул он серьёзно. – Я думаю, вы могли это заметить. Я весь вечер любовался вами.

– Правда? – прошептала я. (Боже, какая я была дура!)

– Клянусь своими усами! – он лихо закрутил усы и громко расхохотался. А потом произнёс заговорщическим шёпотом: – Женечка, может быть, уедем отсюда? Кажется, друг друга мы уже нашли, вы так не считаете?

– А... как же Танька?

– Ваша подруга всё поймёт, я уверен! Ну, не станет же она препятствовать вашему счастью, если, конечно, она настоящая подруга, правда?

– Она – настоящая подруга, – подтвердила я и покрутила головой.

Татьяны нигде не было видно.

– Ладно, я ей потом позвоню, – махнула я рукой и посмотрела прямо в чёрные зрачки.

– Пойдёмте, Женечка, всё интересное у нас с вами впереди!

Не обращая внимания на двусмысленность фразы, я радостно вскочила и, взяв под руку самого красивого мужчину

на свете, пошла с ним к выходу.

И вот теперь, пять лет спустя, я наконец-то смогла по достоинству оценить предостережения моей Татьяны. Геннадий оказался невероятно скупым. А я, между прочим, считаю это одним из главных недостатков мужчины.

– Дорогая, ты прелестно выглядишь и без этих перчаток! – говорил он мне нежно, уверенно отводя от витрины магазина, совершенно не замечая моих посиневших от холода пальцев.

Вы спросите меня, неужели я сама не могла купить эти самые перчатки? Ну, конечно, могла! Собственно, и покупала! Но мне так хотелось чувствовать на себе заботу любимого человека!

Впрочем, скупость Геннадия совершенно меркла перед другим его свойством, от которого в первый же год нашего с ним общения у меня стало темнеть в глазах. Я, если честно, никогда не была очень уж радивой хозяйкой, все эти аккуратно уложенные вещи и вовремя помытая посуда всегда нагнетали на меня некоторую тоску. Геночка же оказался сушим тираном.

– Милая, опять ты положила ложки к вилкам! – выговаривал он мне, поначалу с довольно милой улыбкой. Я веселилась, наблюдая, как он перекладывал ложки из одного ящичка в другой и выравнивал их блестящие ручки. Строго в один ряд, и не дай бог, если одна из ложек чуть-чуть выступает вперёд!

– Прости, пожалуйста, совсем забыла! – казнила я себя, но тут же мимоходом цепляла рукой одно из трёх полотенец, висевших на длинной металлической трубке. Белая ткань, конечно же, предательски съезжала вниз, и, слыша зубовой скрежет за спиной, я бросалась поправлять непослушное полотенце.

«Зато он очень умный! – проносилось в этот момент в моей голове. – А ещё любит меня!»

То, что Геннадий очень трепетно ко мне относится, я знала наверняка! А как же, ведь каждую ночь с его губ срывались такие нежные слова, которых я больше никогда ни от кого не слышала! Ради этого я готова была терпеть все его мелкие недостатки. И даже не протестовала, когда Геночка заставлял меня мыть яблоки с мылом!

Я оказалась очень стойкой. И гордилась собой невероятно!

– Эх, Женька! – говорила мне Танька. – Не уважаешь ты себя! Да если бы мой муж только посмел мне указать на свои тапочки, которые я, видите ли, поставила под углом в девяносто градусов к тумбочке, а не в сорок пять, как они должны стоять, я бы выгнала его взащей этими же тапочками!

– Я сама виновата, Танюш, он мне сколько раз твердит про тапки, а я никак не могу запомнить! – краснела я.

– Тьфу, ну что с тобой разговаривать! – в сердцах восклицала Татьяна. – Смотри, подруга, сначала тапочки не так стоят, потом волосы на тебе не так расчёсаны, а там, глядишь,

и женщиной ты вовсе не той окажешься.

– Ну что ты! – пугалась я. – Зачем так говоришь! Он любит меня!

– Ну-ну, – хмыкала моя подруга.

Впрочем, Татьяна как в воду глядела. И хуже всего то, что узнала я обо всём, как водится, самая последняя. И от кого узнала!

Однажды вечером я вернулась с работы измотанная, как собака. День не задался с самого утра, начавшись с порванной сумки и потерянного проездного. На работе я бегала снизу-вверх как заведённая (наш офис находится в двухэтажном особняке), и к концу рабочего дня уже еле держалась на ногах. Уставшая, с тяжёлым пакетом, в котором лежали купленные по дороге пакет молока, большая бутылка минералки, хлеб и любимые трюфельные конфеты, и с сумкой подмышкой, я открыла дверь своей квартиры ногой, с облегчением свалила поклажу на пол и замерла. Что-то было не так! В моей прихожей, в которой в последние годы был идеальный порядок, явно чего-то не хватало. Ага, любимые Геночкины тапочки, коричневые, с белой скромной полоской по краю. Их обычное место сверкало пустотой. Я замерла. И перевела взгляд направо, на вешалку. Ровный порядок вещей был нарушен и здесь. Шляпа моего Геночки, обычно аккуратно висевшая на втором слева крючке, отсутствовала, и на её месте, вольготно и весело, располагался мой синий шарфик.

– Геночка? – осторожно спросила я, обращаясь в пустоту. Хотя я совершенно точно знала, что мой любимый уехал в двухдневную командировку и должен приехать только завтра, но чем чёрт не шутит!

Как я и думала, квартира оказалась пуста.

– Ничего не понимаю, – вслух произнесла я и задумалась. – Как будто кто-то здесь был... Неужели... Ёшкин кот!

Я бросилась к самому ценному, что было в моем доме. Нет, шкатулка с бижутерией спокойно стояла на своём обычном месте. Версия с ворами, к счастью, не подтвердилась.

Я облегчённо выдохнула и тут краем глаза заметила небольшую щёлочку в платяном шкафу. Моментально сердце моё забилось гулко и больно, а ладони стали мокрыми. Затаив дыхание, я медленно повернулась, сделала осторожный шаг вперёд, потом ещё один и через секунду с громким криком «А-а-а!» распахнула дверцу. Сердце, совершив немислимый прыжок, оказалось где-то в моем горле, и я захлебнулась собственным криком. Платяной шкаф осиротел. Его тёмное пространство, раньше уютно пестреющее нашей с Геночкой одеждой, сейчас зияло почти сплошной пустотой. В нем одиноко болталось лишь несколько вешалок с моими платьями. Ни одного пиджака, галстука или мужской рубашки!

– О, господи! – произнесла я и рухнула на кровать. В ту же секунду пронзительно и угрожающе прозвенел звонок в дверь. Я подскочила на упругих пружинах, чуть не вы-

шибла комнатную дверь всем своим телом и распахнула входную дверь. На пороге стояла какая-то дамочка, сверкая белой пушистой шубкой и яркой красной помадой, воинственно очерчивающей пухлые губы.

– Евгения? – резким голосом осведомилась неожиданная посетительница.

– Да, – сиплый звук, вырвавшийся из моего горла, не очень-то был похож на голос человека.

– Я войду? – она, недолго раздумывая, отодвинула меня рукой и прошла в прихожую.

– А в чем, собственно... – растерялась я.

– Так вот вы какая! – произнесла в ответ женщина, разглядывая меня в упор. Её ярко-синие глаза прищурились, губы скривились, а сумочка, висевшая на белом рукаве, сверкнула хищным алым блеском. – Впрочем, я не ошиблась, именно такой я вас и представляла.

– Какой – такой? – уцепилась я за последнюю фразу.

– Простушкой, – пожала плечами наглая девица.

Я покраснела.

– Послушайте, кто вы такая и что вам от меня нужно? – мой голос задрожал.

– Ну что вы, милочка! – неприятно рассмеялась та. – Мне – от вас? Боже упаси!

Она щёлкнула изящным замочком своей сумки, рука её гибкой змейкой проникла внутрь и через секунду извлекла на свет что-то блестящее. Ключи! От моей квартиры!

– Вот, – брезгливо оттопырив нижнюю губу, она медленно опустила связку на тумбочку. – Геннадий Петрович вам их возвращает. И не говорите потом, что вы этого не помните!

– Что значит – возвращает? – заморгала глазами я.

– Я же говорила, простушка! – ухмыльнулась девица. – Геннадий Петрович просил передать вам, чтобы вы больше не надоедали ему своими глупыми звонками и идиотскими истериками. Он больше никогда не переступит порог этой квартиры!

Она высоко вскинула подбородок, ещё раз оглядела меня, мазнула взглядом по осиротевшей квартире и, вальяжно покачивая бёдрами, вышла, оглушительно хлопнув дверью. Я осталась стоять, пригвождённая к своему месту. Через минуту, схватив оставленные ключи, я со злостью швырнула их в дверь и разрыдалась. Жизнь была окончена!

ГЛАВА 6

– Ну, наконец-то! – облегчённо выдохнула Танька, когда услышала мой плачущий голос в трубке. – Радуйся, глупенькая, что освободилась от этого крокодила!

– А-а-а! – рыдала я. – Она окрутила его! Если бы ты только видела её! У неё чудовищные, вульгарные губы и пошлые синие линзы в глазах! Как он мог польститься на такое? Не иначе, приворожила, змея подколодная! Вампирша!

– Подобное притягивает подобное! – глубокомысленно изрекла моя подруга и хихикнула.

– Ты не понимаешь меня! Он святой! А она окрутила его, как невинного, ни о чем не подозревающего человека!

– Фу, Женька, противно слушать твой сопливый бред! Знаешь, что? Иди-ка ты поспи, завтра утром тебе самой всё это покажется смешным!

Но ни завтра, ни послезавтра, ни через месяц легче мне не стало. Я тосковала по своему Геночке, я всюду видела его, и сердце моё обрывалось, лишь где-то в толпе я замечала мужчин, похожих на моего любимого. Я перестала красить свою рожицу по утрам, потому что знала, что всё равно тушь размажется от слёз, пролитых в течение дня. Девчонки на работе развлекали меня, как могли, но не помогало ничего. Я страдала. Ни много ни мало, целый год!

И надо же было такому случиться, чтобы именно в этот

период, когда мне не хотелось никого видеть, и позвонила моя Дашка! А тут ещё и этот странный тип, согласившийся на моё бредовое предложение! То, что затея с поездкой вдвоём с совершенно неизвестным мне человеком была бредовой, я поняла сразу же, лишь только вышла из здания вокзала и, помахав на прощание рукой Михаилу, спустилась в метро.

«Боже, ну и дурёха! – думала я, покачиваясь в такт поезду. – Как только мне в голову пришла эта безумная идея? Завтра же позвоню ему и всё отменю!»

Добравшись до дома, в полном изнеможении я опустилась на кровать и закрыла глаза.

Вообще-то, если рассудить здраво, идея-то не так плоха! Сочинить себе достойного жениха, предупредить Дашку, что приеду с ним, а уже при встрече развести руками. Так, мол, и так, дорогие мои, не приехал! Работа, понимаешь, не пустила!

Я задумчиво почесала нос.

Работа... Ага... К примеру, мой женишок – бизнесмен, и за час до отъезда вдруг выяснилось, что ему нужно срочно лететь... э-э-э... в Африку на переговоры! Конечно, какой уж тут Арбузов! Точно!

Я оживилась.

И вовсе я, получается, уже у нас не жалкая неудачница, а самая что ни на есть счастливая невеста! Будущая, так сказать, опора и надежда малому и среднему бизнесу! А может

статься, что и большому, чего уж тут мелочиться? Ага! Вот прямо сейчас и позвоню Дашке!

Я вскочила, вытащила из сумки телефон и улеглась вновь, закинув ноги на спинку кровати.

– Алло, Дашка? – пропела я в трубку.

– Ну что, купила? – выпалила Дашка.

– Да! Жди меня, и я вернусь, – радостно произнесла я. –

И не одна!

– А с кем же, Белка?

– С женихом! – не стала я тянуть резину. – Ты же не против?

– У-а-у! С женихом! Правда, что ль, Женька? Вот это радость! И ты ещё спрашиваешь? Да я, да мы... – судя по звукам, донёсшимся из трубки, Дашка кинулась в пляс.

– А кто у нас жених? – сквозь повизгивания моей подружки прорвался мужской голос.

– Милый тихий старичок семидесяти двух лет. Здоровьем, правда, он немного мается, зато сердце у него доброе! А ещё у него квартира в центре Москвы и дача в Барвихе! Очень выгодная партия, Сёмочка!

– Ты что, Женька, с дуба упала?! – обалдел Семён.

– А что такого? – удивлённым голосом переспросила я. – Думаешь, я прогадала? Тебе кажется, что дача в Барвихе – слишком мелко?

– Мне кажется, что кто-то врёт, как сивый мерин!

– Какой ты грубый, Сёмочка! – рассмеялась я. – Но таки

да, тебе верно кажется! Моему старичку не семьдесят два года, каюсь. Семьдесят три! Но так даже веселее, правда?

– Ну, Женька, радуйся, что не я твой жених, иначе попало бы тебе по первое число! – грозно произнёс Семён.

– Ладно, ладно, пошутила я! Зачем же сразу ругаться! – хмыкнула я. – А если серьёзно, мой любимый – бизнесмен. Вроде даже удачливый. У него несколько ресторанов, ну и так ещё, по мелочи... забегаловки всякие, пара бутиков... Я, если честно, даже всего не знаю.

– О как! – Сёмин голос стал на тон ниже. – И давно вы с ним встречаетесь?

– Давно, Сёмочка, уже лет пять. Точно, пять!

– Почему же этот обормот так долго тянул со свадьбой? – подозрительно спросил он.

– Понимаешь, мы встречались с ним тайно! Его отец был категорически против наших отношений. Оно и понятно, какая я ему партия? Но месяц назад папаша вдруг сам влюбился в молодую красотку, женился, и теперь они с юной женой колесят по всему миру. Вот мы под шумок и подали заявление в загс!

– Ну и страсти у вас в Москве творятся! – Семён хмыкнул.

– А как его зовут, Белка? – трубку перехватила Дашка.

– Вы не поверите! У нас с ним не только совпадение душ, но и имён тоже!

– Вот это номер! – Дашка хихикнула. – Ты слышал, Семка? Его тоже зовут Женя! Обалдеть!

– Ладно, ребят, при встрече обо всём поговорим, – я стала закруглять разговор, пока ещё что-нибудь лишнее из меня не вывалилось. Враки враками, но надо и меру знать! – Спокойной ночи!

– До встречи, Белочка!

– Пока, Белка, мы ждём тебя!

ГЛАВА 7

На следующее утро я без каких-либо сомнений набирала номер Михаила. Он ответил сразу же, как будто ждал моего звонка. И это в девять утра!

– Доброе утро, Михаил!

– Здравствуйте, Женя! Судя по вашему решительному голосу, вы хотите сообщить мне что-то важное? – кажется, он улыбнулся при этом. Или мне показалось?

– Вы угадали, Миша. Может быть, ещё скажете мне, что конкретно я хочу вам сказать? – подколола я его.

– Легко! Вы хотите попросить меня сдать свой билет. Я угадал, Женя?

– С вами приятно иметь дело, Михаил! – меня немного задело, каким спокойным тоном он всё это произнёс, но голос мой не дрогнул. Ну, ни капельки! – Вы же понимаете, что вчера я погорячилась...

– А сегодня раскаиваетесь, – подхватил мой собеседник и рассмеялся. – Не переживайте, Женечка, я ждал вашего звонка и знал, что вы мне скажете.

– Вы не обижаетесь, правда, Миша?

– Ну что вы, нет, конечно! Я рад, что ваши дела уладились! Они ведь уладились, не так ли? – он терпеливо ждал моего ответа.

– Вполне, – кашлянула я. – Спасибо вам! И прости-

те, что...

– Не извиняйтесь, Евгения, – перебил он меня. – Всё в порядке, я совершенно на вас не сержусь. Это было маленькое приключение, которое доставило нам обоим удовольствие. Но каждое приключение когда-нибудь заканчивается, не правда ли?

– Правда! – улыбнулась я. – И начинается новое!

– Совершенно с вами согласен! Ну что ж, до свидания и удачи вам в ваших приключениях!

Он положил трубку. Какое-то чувство неловкости осталось во мне после разговора, но я, стараясь не обращать на него внимания, стала собираться на работу.

«Надо будет купить Каринке зонтик!» – промелькнула счастливая мысль, и сердце моё радостно запело.

ГЛАВА 8

Всю неделю перед отъездом, по вечерам, я бегала по магазинам, стараясь не забыть никого из своих старых друзей. Моё лицо не покидала весёлая улыбка, и Танька, знавшая о поездке, радовалась вместе со мной.

– Ох, и завидую я тебе, подружка! – вздыхала она, когда мы выбегали с ней на перерыв в столовую. – Шутка ли, пятнадцать лет разлуки! Зато теперь какое счастье будет всех увидеть!

– Да-а-а! – умильно вздыхала я тоже и всё подгоняла время, ну когда, когда же я, наконец, сяду в вагон, и Москва, разноцветная и громкоголосая, останется позади...

А в последнюю ночь перед отъездом мне приснился сон... Я не говорила, что порой вижу вещие сны? Так вот, сижу будто бы я на вокзале, на чемодане с вещами, а рядом стоит какая-то большая сумка, бочком ко мне. Как сейчас помню – белая, покрытая блестящим лаком, с золотистой молнией по краю. А на другом её боку (том, который мне не виден), знаю я, что-то написано. Что-то очень-очень важное для меня! И что ещё я знаю совершенно точно – что надо мне эти слова во что бы то ни стало прочитать! И вот я, повертев головой по сторонам, легонько так поддеваю эту сумку ногой и начинаю потихоньку к себе разворачивать. А она тяжёлая, зараза, еле поддаётся! Но я ничего, терплю, и когда уже цель

близка и я предвкушаю, что сейчас-то всё и узнаю, вдруг, откуда ни возьмись, прямо передо мной возникает огромная собака! Рыжая! С серебряным шнурком на мохнатой шее! Я, понятное дело, тут же отдёргиваю ногу и с ужасом смотрю на этого пса. А он забрался, негодник, прямо на сумку, зыркнул на меня своими глазищами, сверкнул застёжкой шнурка и замер. Замерла и я. Любопытство-то, само собой, гложет меня – а ну как что-то жизненно важное скрыто под рыжей шерстью, – но пошевелиться-то я и не могу! Сижусь, как истукан каменный, и не могу ни ногой двинуть, ни рукой. Ужас, короче говоря. Жуть, как сказала бы моя Танька. А пёс ничего так себе сидит, спокойно. Только глазами своими моргает. Понимаю я во сне, что долго так могу просидеть. И начинаю ёрзать на чемодане. Попой, значит, двигать. А собака, как увидела мои ухищрения, так и заворчала легонько. Ну а мне, честно говоря, как-то даже смешно стало. Неужели, думаю, я не смогу подобраться к заветной надписи с другой стороны? Сползла я потихонечку вниз, а глупое животное, перестав рычать, вдруг как улыбнётся мне! Я тут же и села! Потому что оказалось, что не собака это вовсе, а парень рыжеволосый, и на шее у него не шнурок висит, а цепочка серебряная болтается с каким-то камушком блестящим на конце. Забыла я про слова, написанные на сумке, и гляжу только во все глаза на этот камушек, который качается передо мной, как маятник, туда-сюда. И так важно мне стало рассмотреть, что там за камень такой разноцветный, что стала я раскачи-

ваться вместе с ним, вправо-влево, вправо-влево. Качалась, качалась... да и проснулась.

Ну, думаю, и сон приснился! Что ещё за собака такая рыжая, к чему она? А потом до меня дошло. Так это же моя Дашка! Ну конечно, Дашка! И сумка, на которую Дашка, то есть собака, уселась, – это, наверное, какие-то важные новости, которые произошли за время нашей с ней разлуки. Что ж, на месте и узнаю, что за новости такие!

ГЛАВА 9

Но вот, наконец, и наступил день отъезда! Успев съездить с утра к родителям, которые передавали гостинцы для Марии Степановны, маминой двоюродной сестры, до сих пор живущей в Арбузове, я, посидев перед дорожкой, как водится, в прихожей на чемодане, довольная и счастливая, выскочила из дома. До отправления поезда оставалось ещё два часа, так что можно было идти не спеша.

«Вот сейчас я иду дорогой, знакомой мне каждой своей рытвиной и приевшейся за несколько лет до оскомины, а завтра, в этот же час, перед глазами будут проходить совершенно другие картинки. Интересно, сильно ли изменился Арбузов за это время? Наверняка! – ответила я сама себе. – Пятнадцать лет – это вам не баран чихал!»

Я улыбнулась своим мыслям, отметила взглядом привычную фигуру старика, сидевшего на ступеньках с грязной кепкой на коленях, и нырнула в переход. Даже в душном вагоне метро улыбка не покидала моего лица. И на вокзале меня совсем не смущали людские потоки, снующие туда-сюда. А когда молоденькая проводница тринадцатого вагона строго взглянула мне в лицо, переведя взгляд с фотографии на моём паспорте, – я улыбнулась ей в ответ так радостно, что губы её невольно дрогнули, а вокруг серых глаз появились тёплые лучики.

– До Арбузова? – полуутвердительно кивнула она. – Очень хорошо, проходите, пожалуйста! Место тринадцатое, вам повезло!

– Спасибо большое! – весело ответила я и с необыкновенным, почти забытым, ощущением счастья переступила границу между одним миром и другим.

Пройдя по синей ковровой дорожке, я дошла до своего купе и облегчённо вздохнула, увидев сидящую там довольно пожилую женщину. Её руки были заняты вязанием, спицы быстро мелькали в ловких пальцах, что-то ярко-жёлтое, похожее на детскую шапочку, извивалось, как золотая рыбка, между ними, и губы её шептали что-то неслышно.

Подсчитывает петли, решила я.

– Здравствуйте! – поздоровалась я. – Вы тоже до Арбузова?

– Здравствуй, дочка! – подняла она голову. – До Арбузова. А ты?

– И я, – весело кивнула я. – Домой еду! Пятнадцать лет не была!

– Охохонюшки! – покачала она головой. Жёлтая вещьца в её руках обеспокоенно дёрнулась. – Отчего же так долго-то?

– Да сама не знаю... Как-то не получалось, – ответила я и, задвинув свой чемодан вниз, под полку, уселась напротив неё. – А вы тоже домой?

– К дочке, – улыбнулась она. – Вот, у сына погостила, вну-

чат повидала, теперь к дочке еду.

– Какая вы путешественница! – рассмеялась я.

– И не говори, милая! А как звать тебя?

– Женя. А вас?

– Катерина я, Ивановна, можешь меня просто тётъ Катей звать.

– Хорошо! Надеюсь, к нам больше никто не подсядет, – я бросила взгляд на верхние полки.

– Это было бы просто чудесно! – воскликнула моя попутчица. – Возможно, так и будет, вагон-то, заметила, почти пустой?

– Так купейный же. Билеты дорогие.

– Да-да, – подтвердила Катерина Ивановна. – Плацкарт-то – он дешевле будет, только шумно там очень.

– Согласна с вами, тётъ Катъ! Сама не люблю, когда много чужих людей в одном месте. И в туалет нормально не сходишь, очередь всё время, а если ещё и пьющие компании попадутся – пиши пропало! Сами знаете, как бывает – сначала выпьет человек, а потом давай храпеть на весь вагон! И всё, бессонная ночь обеспечена!

– И я под чужой храп заснуть не могу! – подхватила женщина. – Мучаюсь всю ночь, с боку на бок поворачиваюсь, вату в уши засовываю, а всё равно не сплю. Мучение одно! То ли дело здесь!

Мы улыбнулись друг другу, придя к полному согласию.

Нравится мне всё-таки ездить в поездах! Сидишь себе,

в окошко смотришь, книжку читаешь, печенькой закусываешь – благодать! Вот и люди интересные встречаются, и общение с ними обычно лёгкое бывает. Да и как иначе, если всё равно знаешь, что никогда больше с этим человеком, скорее всего, не увидишься!

– Провожаящие, просьба выйти из вагона, поезд отправляется через пять минут! – разнёсся по вагону голос нашей проводницы.

– Ну вот, скоро поедем! – обрадовалась я.

– Надоела Москва, дочка? – понимающе взглянула в мои глаза попутчица.

– Есть немного, – улыбнулась я. – Знаете, чем старше становлюсь, тем больше устаю от этого города. С удовольствием переехала бы в какой-нибудь тихий, спокойный городок!

– Так переезжай, что тебе мешает, милая? А, понимаю, деток, наверное, на ноги поставить надо?

– Нет, – помотала я головой, – я не замужем, и детей у меня пока нет.

И, понимая, что разговор может перейти в нежелательное для меня русло, я, быстренько присев на корточки, потянулась к своей сумке с продуктами и стала сосредоточенно искать в ней чашку. Вот чего я не люблю – это когда расспрашивают меня про мужа и детей.

«Ты что, Женя, ещё не замужем?» – обычно с некоторым злорадством интересуются у меня знакомые. «И детей нет?!» – качают они сокрушённо головами. Как будто я са-

ма не знаю, что время моё уходит! Но что же делать, если не складывается моя личная жизнь? Что, силком тащить мужика в загс?

Я вспомнила своего Геночку. На мои осторожные намёки о штампе в паспорте он всегда ловко уходил от ответа. Теперь-то понятно, почему!

Мои пальцы наконец нащупали чашку, и я, уже собираясь подняться, услышала вдруг звук решительно отъезжающей двери нашего купе.

«Ну вот, закончилась наша идиллия», – разочарованно пронеслось в моей голове.

Всё ещё сидя на корточках, я повернулась к двери и посмотрела на ноги вошедшего. Пыльные чёрные кроссовки немаленького, прямо скажем, размера. Ага, мужские. Мой взгляд стал подниматься выше. Потёртые тёмно-синие джинсы, футболка терракотового цвета (мой любимый цвет, между прочим!), оранжевая спортивная сумка на крепком плече. И надпись на этой сумке, от которой тревожно заныло в груди. «Ковбой» – очень примечательное слово. Незабываемое даже!

Я посмотрела прямо в лицо непрошенному гостю. Михаил! Тот самый!

«Вот и верь после этого людям...» – смятенно пронеслось в моих мыслях. Ещё какое-то чувство, от которого я поспешила отмахнуться, промелькнуло где-то глубоко в душе, и я, резко выпрямившись, оказалась лицом к лицу с этим обман-

щиком.

– Добрый вечер! – как ни в чем ни бывало весело произнёс он.

– Здравствуйте, молодой человек! – доброжелательно ответила Катерина Ивановна. Кажется, этот нахал ей понравился!

– Вы что, решили меня проводить? – подозрительно прищурилась я.

– Не совсем, – уклончиво ответил Михаил. – Я тоже еду в Арбузов.

– Вы? – изумилась я. – С какой это стати?

– Как? У меня же есть билет! – не менее удивлённо ответил он. Глаза у него при этом были хитрющие, как у Танькиного кота, стащившего со стола котлетку.

– Но вы же обещали его сдать!

– Каюсь, не сдал, – улыбнулся он.

Он ещё и издевается! Наглец!

– Но вы же не будете из-за этого переживать, правда, Женя? – он склонил голову набок, мило улыбнувшись при этом. Глаза его внимательно наблюдали за мной.

«Вот ещё, буду я переживать! Не на ту попал!» – подумала я, а вслух сказала:

– Интересно, что же вы будете делать в Арбузове?

– Наверное, то же, что и вы. Общаться с вашими друзьями!

– Что за бред? – раскрыла я рот от такой наглости.

– Никакой не бред. Помнится, вы сами меня приглашали!
Я оторопела.

– Если это шутка, Михаил, то не очень весёлая! Значит, так! У вас осталось ещё две минуты, чтобы выйти из вагона!

– Никуда я не собираюсь идти, – хмыкнул он. – И вообще, у меня отпуск, и я имею право проводить его там, где мне хочется!

– Ну, знаете! – у меня перехватило дыхание.

Да как он смеет! Но этот чудик и глазом не моргнул, а спокойно снял с плеча свою сумку и забросил её на верхнюю полку.

– Тогда выйду я! – разозлилась я, с трудом вытащила сопротивляющийся неожиданному насилию чемодан из-под полки, оттолкнула Михаила и выскочила из купе. Меня провожали широко раскрытые глаза Катерины Ивановны.

К сожалению, далеко уйти мне не удалось. Под резкий гудок локомотива поезд тронулся с места, с каждой секундой всё быстрее набирая скорость.

– Чёрт! – я топнула ногой и с грохотом бросила чемодан на пол. – Чёрт!!

Тут же из своего купе выглянула обеспокоенная проводница.

– У вас что-то случилось? – брови её удивлённо полезли вверх. Ещё бы, не каждый день встретишь такую дуру, как я!

– Нет-нет, ничего! – вспыхнула я и, подхватив вещички,

поплелась обратно.

Михаил уже преспокойно сидел на моей полке, вытянув вперёд свои длинные ноги! Увидев меня, он хотел что-то сказать, но, наткнувшись на мой разъярённый взгляд, промолчал. Я молча перешагнула через нахальные ноги и решительно запихнула чемодан вниз. А потом плюхнулась на сиденье.

– Да не переживайте вы так, Женечка! – миролюбиво произнёс он.

Я отвернулась к окну.

– Я пошутил! Конечно, к вашим друзьям я не собираюсь ехать! Обещаю, что только доеду до вашего Арбузова, а потом вы меня больше не увидите! Никогда!

– Ага, знаю я вас, – пробурчала я себе под нос.

– Если бы вы меня знали, поверьте, вы бы сейчас радовались моему присутствию! – улыбнулся он. – Да шучу я, шучу. Не смотрите на меня так негодующе!

– Женечка, ну правда, молодой человек нам не помешает! – робко сказала Катерина Ивановна. – Вы же не будете ночью храпеть, юноша?

– Клянусь! – хлопнул себя по груди Михаил. – Ни ночью, ни днём!

– Вот видишь, Женечка? – заискивающе посмотрела на меня женщина.

– Да пусть едет, мне-то что? – пожала я плечами.

А сама злорадно подумала: «Ну смотри, сам напросился! И не говори потом, что не предупреждала! Кажется, зав-

трашний день кто-то будет вспоминать с содроганием всю свою оставшуюся жизнь!»»

ГЛАВА 10

Не буду вам описывать, как прошла наша первая ночь в поезде. На Мишу я старалась не смотреть, легла спать очень рано и сразу же отвернулась лицом к стенке. Катерина Ивановна тоже не засиживалась, свернула своё вязание, сделала пару глотков чая из стакана и задремала, накрывшись тёплым клетчатым одеялом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.